

МАРГИНАЛЬНОСТЬ И СЕКСУАЛЬНОЕ ДИССИДЕНТСТВО В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Колиева И.А.

Постмодернизм как уникальная культурная ситуация, возникшая во второй половине XX в., продолжает приковывать к себе пристальное внимание со стороны исследователей всего мира. Говоря о постмодернизме как о специфическом мировосприятии современной эпохи, ученые часто подразумевают широкое многообразие иных художественных форм, стилей, возможность их множественной интерпретации, а также смену общепринятых духовных ориентиров.

Исследователи определяют мировосприятие современного человека как сложное и постоянно взаимодействующее между собой переплетение многих факторов, таких как самовосприятие, устоявшееся общественное мнение, поведенческие стереотипы и стремление к самоидентичности. Все эти факторы, переплетаясь и накладывая свой отпечаток на человека, разрушают целостную картину восприятия и видения мира личностью, лишают человека чувства стабильности и надежности, тем самым часто уничтожая его глубинную сущность.

Говоря о теориях постмодернизма, многими учеными отмечается тот факт, что данные теории основываются либо на упрощенных концепциях, появившихся в новое время, либо на ретроспективных моделях, не вызывающих доверие [1]. Следует отметить, что, чем полнее становится история разных модернистских течений, тем менее убедительным выглядит трактовка постмодерна как прорыва к чему-то радикально новому или незнакомому. Соответственно, сама концепция постмодернизма таит в себе риск завышенной оценки современности, придания ей значимости, которой у нее нет, а тот воображаемый

радикальный прорыв на самом деле оказывается более или менее закономерным, по крайней мере, прогнозированным следствием того, что имело место раньше. Философы говорят о постмодерне как об интеллектуальной моде, которая способна разве что отобразить академический вариант потребительской этики [1]. Таким образом, по мнению ученых, категории модерна и постмодерна имеют временный аспект, выявляя неизменно значимые измерения взаимодействия между ними [2].

В своих работах исследователи говорят о личном опыте индивида как о наиболее порочном, наиболее замкнутом круге, отмечая при этом необходимость знания всего о других, для того, чтобы узнать что-то о себе самом. Как известно, в рамках идеалистической культуры опыт органичной субъективности является неотделимым от познания внеисторической константы – человеческой природы. Здесь можно привести слова Оскара Уайльда, который еще в XIX в. утверждал, что единственное, что нам известно о человеческой природе, это то, что она подвержена изменениям. По его словам, изменение – это единственная человеческая особенность, которую можно предвидеть, а истинную ценность представляет лишь наше отличие друг от друга. Знаменитый писатель отбрасывает понятие о сущности человеческой природы как константы, утверждая, что, отринув текущие условия и правила жизни, изменится и человеческая природа [3].

Постмодернизм одновременно с разрушением и/или переосмыслением принятых философских категорий открывает широкое поле для обсуждения новых категорий, которым ранее не уделялось пристальное внимание со стороны исследователей в силу закрытости или даже запрета на дискуссии о данных категориях. К таким «запретным» категориям относятся вопросы, связанные с определением сущности феномена сексуального диссидентства и переосмысление роли категории

сексуальности в становлении личности человека. Эти вопросы и связанные с ними проблемы в последние годы все больше и больше выходят на первый план в работах современных философов.

Как отмечает Т.И. Власова, «... сексуальность – «никогда просто секс»: все дискурсы о сексуальности – это внутренне связанные дискурсы о чем-то еще; сексуальность – не просто постоянная нить, объединяющая тотальность человеческого опыта, это «конечная зависимая переменная, требующая больше объяснений, чем она может представить» [2]. Исследователи настаивают на том, что все изменения в современной культурной ситуации всегда продуцируют изменения в самой сексуальности.

Следует отметить, что осознание культуры всегда осуществляется через попытки осмыслить исторический процесс в контексте общественного процесса и как можно тщательнее и вдумчивее воспринять всю сложность обоих явлений и соответствующие проявления дискриминации. От этого зависит жизнь и свобода людей, особенно там, где речь идет о культурной дискриминации, под которой понимаются как жестокие репрессии из-за расовой и/или половой дискриминации, так и то отношение к людям, которое получило название культурной дифференциации. Таким образом, многими философами выдвигается предположение о том, что дискриминация является сущностью культуры [1].

Ученые указывают на тот факт, что разного вида исследования, посвященные сложным отношениям между центром и периферией, господствующими и подчиненными культурами, конформизмом и аномалиями имели место и раньше и длились дольше, чем существует мода на постмодернизм. Благодаря этим трудам возникает осознание, что господствующая культура может не только дать объяснение диссидентству, в общем, и сексуальному диссидентству, в частности, но и

порождать его. В свою очередь, диссидентство оказывается способным консолидировать силы, которым потом бросается кажущийся вызов. Как следствие, возникает полемика между деструктивными и сдержанными началами – одна из самых значительных областей в сфере современной теории культуры. По мнению многих исследователей, проблема постмодернизма не состоит в четком противопоставлении неизменных, внутренне недифференцированных версий господствующей культуры и подчиненных маргинальных субкультур [1].

Говоря о культурной маргинальности субкультур, ученые заявляют, что она прямо зависит от той культурной значимости, которую эти субкультуры занимают в обществе. Более того, парадокс заключается в том, что различного рода субкультуры органично вписываются в те гетеросексуальные культуры, которые с исключительной последовательностью подвергают их критике. Литературный критик И. Косовски Седжвик показала, что «целый спектр значимых пунктов для дебатов в области западной культуры с самого начала XX в. оказывается «... неизгладимо связанным исторической конкретностью понятий гомосоциальное/гомосексуальное, причем по отношению не только к мужчинам» [4]. К подобным пунктам исследовательница относит также такие оппозиции как, например, засекреченность/открытость, частное/публичное. Философ отмечает, что одновременно происходит эпистемологическая переоценка этих категорий, и такой специфический кризис понятий необратимо сказывается на других оппозициях, которые составляют основу современной организации культуры, как, например, мужское/женское, большинство/меньшинство, естественное/искусственное, одинаковое/разное, восхождение/упадок, искренность/сентиментальность [4]. Подобный кризис проявляется, в частности, и во многих других аспектах, что свидетельствует о все большей насыщенности современной культуры представлениями и

образами, связанными с гомосексуальностью, которая воспринимается как что-то преувеличенное и чрезмерное, присутствующее где-то «там», но такое, что не поддается окончательному определению. Подход к маргинальности выражает предвзятость, истерию, паранюю, страх, ненависть, злопамятность, безразличие, терпимость и др.

Ученые спорят о том, разрушает или, наоборот, укрепляет порядок «обращение» системы бинарных оппозиций, является ли вытеснение предмета дискуссии политически ангажированным или политически нейтральным, одновременно пытаясь определить связь постмодернизма с одной из его самых противоречивых характеристик – так называемым исчезновением глубинной модели. Речь идет о модели глубинной человеческой индивидуальности и культурно-политических последствиях ее исчезновения. Эти проблемы тесно связаны между собой. В контексте постмодернизма уже не существует субъекта для отчуждения, не существует чего-то такого, от чего можно было бы «отчуждаться», тут «аутентичность не столько отчуждается, сколько просто забывается». Сама сущность постмодернистской культуры представляет собой «распыленную, замещенную сеть привязанностей, которые опираются на либидо и лишены этической субстанции и внутренней душевности; в большей мере это быстропроходящие функции того или другого акта потребления, общения с окружением, сексуальных связей, тенденций или моды» [5].

Исследователи определяют сексуальное диссидентство как сопротивление, которое оперирует гендерными понятиями, время от времени обостряя противостояние между господствующими и подчиненными структурами. Говоря о сексуальном диссидентстве, философы выделяют две взаимосвязанные проблемы: разностороннюю полемику между господствующими и подчиненными культурами, сообществами и характерами и анализ таких ключевых для философии

понятий как самоосознание, стремление, трансгрессия, которыми оперируют культурные, языковые и идеологические дискурсы в наше время.

В контексте западной культуры трудно переоценить значение трансгрессии во имя определения сущности своего «Я», что является первоначалом и ценителем истинного, реального (и/или естественного) и морального – категорий, которые соответствуют трем основным сферам знаний в западной философии: эпистемологии, онтологии и этике. Определение концепций личности всегда занимало одно из ведущих мест в парадигме культуры постмодерна. Американский философ Маршалл Берман писал, что «Наше общество состоит из людей, которые страстно желают и сознательно пытаются найти свою аутентичность ... Повсюду массы безликих людей ... отчаянно прилагают всяческие усилия, преодолевают разные препятствия, чтобы только ощутить себя тем, чем они есть, чтобы остаться собой» [5].

Трансгрессия дает человеку новое чувство самоосознания. Противопоставление аутентичной сущности человека, находящейся глубоко внутри, и вторичной сущности, порожденной образованием и принявшей внешние признаки благодаря воспитанию, представляет собой одну из самых важных и неоднозначных проблем современности. Истинная ценность жизни состоит в индивидуальной неповторимости. Та часть нас, которая отличает каждого из нас от других – это исключительный компонент, именно он составляет нашу уникальную ценность. Это собственное «Я», созданное как дообщественная сущность, природа и личность и на таких правах наделенное квазидуховной автономией. Культура довлеет над этим аутентичным «Я», поэтому человек отправляется на его поиск, и этот поиск оборачивается побегом от культуры [6].

Такая потребность освободить внутреннее желание, по мнению некоторых современных исследователей, угрожает расшатать половые различия. Отсюда и все возрастающая озабоченность общества, вызванная возможностью размывания половых ролей. Трансгрессивное желание индивида часто заставляет воспринимать свою противоположность как разрушительную реакцию на категории, которые характеризуют глубину индивидуальности, и как замещение этих категорий, на которых держится господствующий строй, запрещающий эти желания.

Следовательно, освобождение из уз собственного «Я» и переход в мир стремлений дает еще и осознание своего нового, более глубокого «Я», и подобная позиция поддерживает критическое отношение не только к вопросам отклонений в половых желаниях, но и охватывает целый спектр других проблем, как культурных, так и политических. Добродетель тут приобретает этический смысл, который руководствуется вновь открытым «Я» и оказывает на него свое влияние. В результате это «Я» становится мощным источником, который порождает сопротивление – духовное, этическое и политическое одновременно.

В наше время попытки придать гомосексуальности большое значение сосуществуют с давней тенденцией закрывать на нее глаза и сознательно игнорировать эту проблему. Проблема маргинальности отображает значительный этап постепенного упадка «нормальности» в XX в., чему оказывается отчаянное сопротивление.

Философы отмечают, что, чем больше гомосексуальность проявляет себя как весомый фактор в культуре, тем слабее общество осознает, чем она является на самом деле: высокой восприимчивостью личностей, которые стоят на полпути между полами, отклонением от нормы, тайной субкультурой, внутренним или внешним врагом? То, что гомосексуальность генерирует своеобразную историю, которая прекрасно освещает проблемы маргинальности и власти, что вызывает дебаты

современных культурологов, философов и психоаналитиков, само по себе выглядит как что-то недопустимое даже при незначительном упоминании. Именно поэтому, современный критик гендерной теории Д. Батлер в своей книге «Гендерное беспокойство» использует гомосексуальность, чтобы развенчать гендерную теорию, опровергнуть ее определяющие термины, исключительно те, которые возникли как мода на гомосексуальность. Джудит Батлер полемически утверждает, что с точки зрения маргиналов складывается впечатление, что гетеросексуальность рекомендует «нормативную половую роль, которую в принципе невозможно достичь, тем временем как постоянная неспособность четко и последовательно идентифицировать себя в этой роли выявляет, что гетеросексуальность не только не может быть законом, обязательным для всех, а скорее является надоедливой комедией» [7].

Современные исследователи рассматривают проблему маргинальности под разным углом зрения. Так, Джордж Стейнер определяет гомосексуальность полностью как порождение самой современности [8]. Французская исследовательница Люси Иригарэ выдвигает предположение, что фундаментальная структура патриархата является по сути гомосексуальной [9]. Рене Жирар в своих работах отводит гомосексуальности значительную роль, считая, что какое-либо половое соперничество «в структурном плане является гомосексуальным» [10]. Философ Роже Скратон считает нормальным, что гомосексуальность вызывает отвращение, и, следовательно, должна быть запрещена. Он не рассматривает гомосексуальность как случайное извращение, а придает ей первостепенное значение, называя ее «стержневой проблемой современности», которая «при правильном исследовании» даст нам «глубинное видение моральности» [11].

Еще одной важной проблемой современности является презентация женского сексуального дискурса. Философы часто отмечают отсутствие

такового в современной культуре, выдвигая на первое место дискурс, который передает мужское видение проблемы, например, порнографический, литературно-художественный или медицинский. Исследователи отмечают тот факт, что для того, чтобы откровенно заявить о своей сексуальности, «новая женщина» должна вступить в сугубо мужской мир либо на основах гетеросексуальной личности, как это представляется мужчинам (эмансипе), либо как лесбиянка в костюме мужчины-трансвестита (мужеподобная женщина) [1].

В данном ключе рассмотрение ключевых проблем современности, связанных с определением понятий маргинальности и сексуального диссидентства, представляется необходимым в русле существующего в наше время переосмысления человеческих ценностей, разного рода стереотипов, нивелирования разного рода превосходств и противоположностей. Изучение и, что более важно, принятие подобных вопросов, должно ставить целью устранение разного рода недосказанностей и двусмысленностей в постоянно изменяющемся дискурсе постмодернизма.

Литература

1. Долімор Дж. Сексуальне дисиденство. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2004. – 558 с.
2. Власова Т.И., Скиба Э.К. Гендер и феминистская теория в философии постмодерна. – Дн-вск: Изд-во Маковецкий, 2011. – 124 с.
3. The Artist as Critic: Critical Writings of Oscar Wilde, ed. R.Ellmann. – London: W.H.Allen, 1968. – P. 284.
4. Sedgwick Kosofsky E. Epistemology of the Closet. – Raritan, Spring 1988. – P. 43-44.
5. Eagleton T. Capitalism, Modernism and Postmodernism, in Against the Grain. – London: Verso, 1986. – P. 131-147.

6. Berman M. The Politics of Authenticity: Radical Individualism and the Emergence of Modern Society. – London: Allen&Unwin, 1970. – P. 325.
7. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. – London: Routledge and Kegan Paul, 1990. – P. 122.
8. Steiner G. On Difficulty and Other Essays. – Oxford: Oxford University Press, 1978.
9. Irigaray L. This Sex Which is Not One. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985.
10. Girard R. Things Hidden since the Foundation of the World. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1987.
11. Scruton R. The Philosopher on Dover Beach: Essays. – Manchester: Carcanet, 1990. – C. 263.